

ISSN 2542-2332

2018 №4 (17)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Даиковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

К. М. Байпаков, доктор исторических наук, академик АН РК (Казахстан, Алма-Ата)

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкун, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушику, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргыстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ

по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г.

*Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.*

*Журнал подготовлен при частичной финансовой поддержке проекта Минобрнауки
РФ «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая,
Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики:
исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).*

ISSN 2542-2332

2018 №4 (17)

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2018

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

The editorial Board:

K. M. Baypakov, doctor of historical sciences, akademik (Kazakhstan, Alma-Ata)

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveschensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

E. A. Shershneva (res s. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedev, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgaria, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

*Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.
All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written
permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.*

Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

*The magazine was prepared with the partial financial support of the project Ministry of
education and science of the Russian Federation (the project "Development of ethno-religious
situation in cross-border space of Altai, Kazakhstan and Mongolia in the context of state-
confessional policy: historical experience and modern trends", No. 33.2177.2017/4.6).*

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Шульга Д. П. Наскальные рисунки Гуйгу — новый источник по хозяйственной и духовной жизни древнего населения внутренней Монголии.....	7
Серегин Н. Н. Некоторые аспекты социальной интерпретации археологических комплексов тюрок Центральной Азии эпохи Первого каганата.....	15
Пиков Г. Г. Проект Бэй Ляо (Северное Ляо, 1122–1141)	32

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Авдашкин А. А. Диаспоростроительство на Урале: от «переселенческих обществ» до трансграничных мигрантов.....	44
Kuklin N. S. History and current configuration of bilateral relations between the Republic of Indonesia and New Zealand.....	55
Сакович Е. Г. Инфраструктура монголоведных исследований в Великобритании и США	65
Ильина А. А. Периодизация национального движения татар Западной Сибири в 1980–2010-е гг.....	72
Аминев З. Г. Шурале — персонаж башкирской демонологии	84

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Егоров С. О. Генеалогия богомильской ереси: проблема достоверности сведений антиеретических сочинений	96
Лебедев Р. В. Библейские аналогии в хакасском сказании «Семь гор — семь дев Читі хыс»	103
Дарменов Р. Т., Тажекеев А. А. Ритуальные очаги на городище Жанкент	109
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	123
ДЛЯ АВТОРОВ	125

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Shulga D. P.</i> Guigu rock art — new study source of inner Mongolia ancient population economic and spiritual life.....	7
<i>Seregin N. N.</i> Some aspects of social interpretation of turkic archaeological complexes of the First Caganate epoch in Central Asia	15
<i>Pikov G. G.</i> A project of the Bēi Liao (North Liao, 1122–1141)	32

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Avdashkin A. A.</i> Construction of diaspor in Ural: from the “society of migrants” to transboundary migrants	44
<i>Kuklin N. S.</i> History and current configuration of bilateral relations between the Republic of Indonesia and New Zealand	55
<i>Sakovich E. G.</i> Infrastructure of mongolia studies in Great Britain and the USA	65
<i>Ilina A. A.</i> The periodization of the national movement of tatars in Western Siberia (1980s — 2010s).....	72
<i>Aminev Z. G.</i> Shurale — character of bashkir demonology	84

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSITIONAL RELATIONS

<i>Egorov S. O.</i> Genealogy of the bogomils heresy: the problem of reliability of anti-heretical works’ information	96
<i>Lebedev R. V.</i> Biblical analogies in the khakass legend “The Seven Mountains — the Seven Girls of Chiti Khys”	103
<i>Darmenov R. T., Tazhekeev A. A.</i> Ritual fire places on the ancient settlement Zhankent.....	109

INFORMATION ABOUT CONFERENCES	123
-------------------------------------	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	125
-------------------------------------	-----

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 273

С. О. Егоров

Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск
(Россия)

ГЕНЕАЛОГИЯ БОГОМИЛЬСКОЙ ЕРЕСИ: ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ СВЕДЕНИЙ АНТИЕРЕТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ

Статья посвящена анализу теорий о происхождении богомильской ереси в сообщениях средневековых церковных авторов с точки зрения их достоверности. В историографии богомильства начиная с XIX в. и по сегодняшний день ведутся споры о генеалогии этого учения. Исследователи, так или иначе, выводят болгарскую ересь из таких учений, как павликианство, мессалианство и манихейство. Эти концепции о преемственности богомильства от более ранних дуалистических ересей основаны на сообщениях современных еретикам церковных авторов. Исследование антибогомильских сочинений показывает стремление их авторов встроить богомильство в единую генеалогию ересей, начинающуюся с эпохи ранних Отцов Церкви или от времён апостолов. В качестве вывода выдвигается тезис о восприятии церковными авторами любых ересей как схожих по своей сущности — источником ереси как одного из тяжелейших грехов является Дьявол. Такое восприятие определяет характерное отношение этих авторов к классификации ересей: размытость границ между различными доктринаами и операции конструирования еретических сообществ без каких-либо реальных фактов их существования.

Ключевые слова: богомилы, дуализм, средневековые ереси, ересиология, Первое Болгарское царство.

S.O. Egorov

Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk (Russia)

GENEALOGY OF THE BOGOMILS HERESY: THE PROBLEM OF RELIABILITY OF ANTI-HERETICAL WORKS' INFORMATION

The article deals with theories of the Bogomils heresy's origin in messages of medieval church authors, concentrating on the power of this messages' reliability. Within the framework of historiography of the Bogomilism main authors debates the genealogy of this doctrine from 19th century to present day. One way or another researchers deduce the Bulgarian heresy from such doctrines as Paulicianism, Messalianism and Manichaeism. These concepts of the Bogomilism's continuity from the earlier dualistic heresies based on messages of the Church authors, contemporary to heretics. Researching anti-Bogomilism works shows their authors intention to include Bogomilism in universal heresies' genealogy, starting from the age of Church Fathers or, in other cases, from the Apostles' times. The article concludes that church authors had a specific perception of any heresies as similar in their essence — a source of the heresy as one of the gravest sin is Devil. Such a perception determines specific attitude of this authors to heresies classification: blurring of boundaries between different doctrines and acts of invention of heretical communities without any real facts of their existence.

Keywords: the Bogomils, dualism, medieval heresies, heresiology, First Bulgarian kingdom.

DOI: 10.14258/nreur(2018)4-09

Егоров Станислав Олегович, старший преподаватель кафедры социально-исторических наук Новосибирского государственного медицинского университета, Новосибирск (Россия). Адрес для контактов: segorov752@gmail.com

В истории средневековых христианских неортодоксальных сообществ, традиционно называемых «ересями», и на сегодняшний день сохраняется довольно много «белых пятен», существование которых обусловлено как ограниченностью источников базы, так и трудностями понимания имеющихся источников. Одной из таких проблем в истории богомильства — одной из крупнейших христианских ересей дуалистического толка, появившейся в Болгарии в начале X в., является вопрос о генезисе этого религиозного сообщества и его идей.

В историографии истории богомильства начиная с работ исследователей XIX — начала XX в. болгарская ересь выводилась из более ранних дуалистических религиозных течений. Так, Н. С. Степлецкий считает, что «эта ересь... произошла из смешения павликианских воззрений с мессалианскими», павликианство же описывается автором как видоизменённое манихейство, в свою очередь образовавшееся от смешения христианства с зороастризмом [Петранович, 1867: 42–43; Степлецкий, 1902: 7]. Этой кон-

цепции о богоильстве как части некоей дуалистической традиции, которую можно изобразить как манихеи — павликиане/мессалиане — богоимили — катары, придерживались и последующие крупнейшие исследователи дуалистических христианских ересей, например Д. Ангелов [1961: 69].

Основные разногласия в рамках данной концепции заключались в спорах о наиболее ранних источниках богоильского учения. Так, С. Рансиман обнаруживал большее сходство христианского дуализма с гностицизмом, нежели зороастризмом [Runciman, 1982: 11–25]. Надо отметить, что Рансиман характеризует богоильство, равно как и другие дуалистические ереси, распространённые в средневековой Европе, как «неоманихейство». Развивая эту концепцию, Д. Оболенский говорил о двух волнах манихейства в Европе, вторую из них и представляют «неоманихейские» ереси вроде богоимилов и катаров [Оболенски, 1998: 18–22].

В историографии средневековых дуалистических ересей, в частности богоильства, идея о преемственности этих ересей и сущностного сходства («неоманихейство») являлась, таким образом, общепринятой. Эта концепция основывается на сообщениях современников (преимущественно — критиков дуализма), а также на определённом сходстве религиозных представлений средневековых еретиков, впрочем, устанавливаемом преимущественно на основе данных тех же источников.

Наряду с основной концепцией преемственности ересей, в историографии существуют и критические мнения относительно этого вопроса. Как прозорливо отметил ёщё В. Левитский в своей серии статей, опубликованной в 1870-х гг., богоильство с трудом сводимо к «неоманихейству» по своим воззрениям и представляет собой уникальное явление религиозной истории [Левитский, 1870: 28–29]. Впоследствии эта точка зрения нашла определённое подтверждение в монографии Ю. Стоянова, где автор справедливо отмечает принципиальные расхождения павликианской и богоильской дуалистических доктрин, а также отсутствие каких-либо ясных сведений о «мессалианской» ереси (по-видимому, это был термин, использовавшийся для обозначения различных ересей без какой-либо привязки к конкретным религиозным представлениям) [Stoyanov, 2000: 161–162].

Говоря о зарождении богоильства, все упомянутые выше исследователи ссылались на один и тот же узкий круг болгарских источников времён Первого царства, содержавших упоминания о появившейся ереси. Уже в письме патриарха Феофилакта царю Петру, сочинении Пресвитера Козьмы «Беседа против еретиков», а также в позднейших документах болгарских, сербских и византийских церковных соборов, содержатся описания основных религиозных представлений богоимилов и генеалогии этой ереси, которая, с определёнными уточнениями, и была заимствована исследователями. Здесь представляется важным поставить следующий вопрос: насколько можно доверять сведениям противников богоильства о происхождении этого учения? Для прояснения этого вопроса необходимо выявить ту роль (например, полемическую), которую играло выстраивание такой «еретической» генеалогии для оппонентов богоильства.

Первое упоминание о «новоявленной» болгарской ереси содержится в письме Константинопольского патриарха Феофилакта болгарскому царю Петру, которое являлось частью их утерянной переписки. Патриарх даёт Петру развёрнутый ответ о заблуждениях еретиков, правилах приёма в церковь раскаявшихся из их числа и т. д. В этом

контексте Феофилакт и упоминает о богомильстве как результате смешения предыдущих учений: «Да будут крещены заново... потому что *их беззаконие есть манихейство, смешанное с павликианством*» (здесь и далее курсив наш. — С. Е.) [Послание на цариградского патриарха, 1964: 185]. Источники довольно чётко указывают на западные области Болгарского царства как территорию возникновения ереси [Анна Комнина, 1996: 395] и на период правления царя Петра как время этого события [Слово святого Козмы, 1936: 2]. Принимая это во внимание, маловероятно, что патриарх Константинополя обладал какими-то иными сведениями о богомилах сверх того, что ему сообщал царь Пётр, а соответственно, вряд ли обладал какой-либо информацией о происхождении богомильства. Создание Феофилактом такого рода генеалогии богомильской ереси, безусловно, было основано на некоем сходстве религиозных взглядов болгарских и ближневосточных дуалистов, однако целью такого действия, как можно предположить, являлась типологизация нового религиозного течения через указание на его существенное сходство с предшествовавшими ересями и прямое происхождение от них. Это позволяло прежде всего определить отношение государственной власти и официальной церкви к последователям нового учения.

В главном антибогомильском сочинении — «Слове против еретиков» Пресвитера Козьмы, эта операция «встраивания» богомильства в уже известную читателям его труда родословную ересей присутствует в более явном виде. Говоря о грехе ереси, Козьма упоминает Ария как первого еретика, Македония, а также упоминает, что «быша ж и потом различны ереси на иных местах», заканчивая Богомилом, который «начя первое учiti ересь в земли болгарсте» [Слово святого Козмы, 1936: 2]. Тем самым генеалогия богомильства, с одной стороны, удревняется, а с другой — персонализируется, и «поп Бого米尔» ставится в один ряд с известнейшими ересиархами в истории христианской церкви.

Подобный приём включения богомильства в исторический контекст христианских ересьей перешёл позднее из текстов Козьмы в славянские редакции Синодика в неделю православия XII–XIII вв., например в сербские и болгарские. Так, в сербских редакциях Синодика (в частности — Троицкой) анафема богомилам («Зли еретици треклети бабуние») лишь кратко провозглашается после церковных проклятий византийским еретикам, список которых был заимствован из византийских редакций [Сербская редакция синодика, 1960: 95–101]. Синодик царя Борила, по причине большей актуальности, гораздо подробнее излагает взгляды богомилов [Текст Синодика царя Борила, 1928: 44–48], а также более конкретен в характеристике этой ереси: «Понеже вселука выи наш враг по всеми блгарстии земли манихеискуя ересь разсеа, смесив сию с масалианскою... Попа Богомила... восприемшиаго манихеискую сию ересь и в блгарстии земли разсеавшиаго... анафема» [Текст Синодика царя Борила, 1928: 42].

Возникает вопрос: что принципиально общего видели оппоненты богомильства в таких различных явлениях, как средневековые дуалистические ереси и учения, осуждённые на первых Вселенских соборах? Можно предположить, что с точки зрения церковных писателей эти различные не только по времени существования, но, что более важно, и по своей догматике учения с их точки зрения представляли собой по существу одну традицию.

Феофилакт, автор первого критического текста о богомильстве, начинает разбор заблуждений еретиков и практических рекомендаций болгарскому царю по взаимодействию

ствию с ними с указания на изначальный источник ереси: «Семена зла были тайно посеяны родоначальником зла... потому что проклятый никогда не отказывался от зла, как не оставил и свои коварство и злобу» [Послание на цариградского патриарха, 1964: 184]. Таким образом, с точки зрения патриарха ересь в основе своей является результатом происков Дьявола, причём не только конкретное учение богомилов, но ересь вообще как явление.

Пресвитер Козьма так же, как и Феофилакт, предваряет свой текст объяснением сущности ереси вообще: «Да не впадемся в ров еретический... Се веды и искони враг наш Диавол не почивает, блазня рода человеческого. Начен бо от првааго Адама, доселе не останет, ища кого бы сомкнути с веры, дабы болша чашь была с ним в муках» [Слово святого Козмы, 1936: 1]. Далее Пресвитер Козьма перечисляет грехи убийства, идолопоклонничества и так далее, завершая список грехом ереси: «Но видев яко вси ти греки не суть точьни еретичеству, влезе првое в Ария, иже нача хулити Сына Божия» [Слово святого Козмы, 1936: 1]. Ересь, таким образом, представляется Козьме грехом, как и все грехи, совершающимся по наущению Дьявола ещё со времён первых людей, хотя и одним из самых тяжких [Слово святого Козмы, 1936: 2, 4, 5].

Хотя средневековым критикам богомильства в теории нельзя отказывать в стремлении к его изучению, но более вероятно, что тонкости различия еретических учений мало интересовали церковных авторов, так как представляли с их точки зрения принципиально единую традицию, ведущую свою родословную от библейских еретиков и, в конечном счёте, от Дьявола.

Такой подход не является принципиально новым: ересиологи ещё с первых веков христианства систематизировали и классифицировали различные отклонения от церковного учения, создавая списки ересей: начиная с «Против ересей» Иренея Лионского до наиболее показательных «Панариона» Епифания Кипрского и «О ста ересях вкратце» Иоанна Дамаскина. Характерно для антиеретических трактатов ранних Отцов Церкви и сведение многочисленных учений в единую генеалогию, ведущую своё начало, например, от Симеона — первого еретика, персонажа библейской книги Деяний, «от которого произошли все ереси» [Ириней Лионский, 2008: 91].

Какую цель преследовали авторы антиеретических сочинений, помимо предостережения верующих? Сам принцип подробной систематизации и каталогизации служит стратегии «разделяй и властвуй»: М. Фуко на материале исследований телесных «микрофизик власти» сформулировал метафорическое определение «клеточной власти», основанной на принципе классификации индивидов и контроля над ними [Фуко, 2015: 172–182]. В то же время все ереси, вне зависимости от содержащихся в их доктринах ошибочных идей, встраивались в единую генеалогию, и более того — сводились к единой «дьявольской» природе, что формировало чётко определённую оппозицию «истинное/ложное» (а значит — «свой/чужой») и оправдывало преследования еретиков.

При этом, однако, нередко создавались некие абстрактные интеллектуальные построения, не имевшие соответствия в социальной действительности. Так, о многих ересях, упоминаемых в списках ересиологов, трудно сказать что-то определённое, хотя бы даже о реальном их существовании в качестве каких-то сообществ. Различные локальные религиозные объединения, и даже отдельные люди объединялись по какому-то элементу вероучения в определённую ересь, хотя её могло и не существовать в качестве

реальной общиной. С другой стороны, это приводило к размытости границ таких определений как, например, «манихейство» (действительно существовавшая оригинальная религия) или «messalianство» (существование которой является предметом дискуссии среди исследователей) — этими терминами описывали различные дуалистические ереси Средних веков, в том числе — и богомилов. Наиболее ярко эту относительность определений видно в случаях ересей, существовавших в одно время примерно на одной территории — в таком случае провести разделение зачастую затруднительно. Генеалогия богомилов, довольно размытая уже в сочинении Козьмы, становится ещё более запутанной в «Алексиаде» Анны Комниной, свидетельницы судебных процессов над византийскими богомилами: «Соединились между собой два издавна известные злые и мерзостнейшие учения: нечестивость манихеев... которую мы именовали также павликианской ересью, и бесстыдство мессалиан. Это и было учение богомилов, образовавшееся от слияния мессалианской и манихейской ереси» [Анна Комнина, 1996: 419].

Ересь, которой «Богумил... нача првое учити... в земли болгарсте», в определённом смысле появляется на страницах полемического текста Козьмы, в котором он последовательно разбирает и опровергает заблуждения еретиков, описывая их в качестве некоего сообщества с единными взглядами и образом жизни.

Вместе с тем восприятие любых ересей, как только лишь сконструированных институтами власти (в первую очередь — церковной), представляется слишком радикальным. Определённые неортодоксальные религиозные движения действительно существовали и тоже конструировали свою идентичность, определяя «своих» и «чужих», создавая определённый образ себя. Таким образом, можно предположить, что процесс социального и культурного конструирования идентичности сообщества «богомилов» являлся двусторонним: внешним и внутренним одновременно, причём накладываемые на это сообщество рамки могли не совпадать друг с другом.

Можно заключить, что разного рода генеалогические теории о происхождении богомильства выдвигались средневековыми ересиологами с целью обоснования ложности нового учения и его классификации в рамках заблуждений, противостоящих истинной церкви. Степень же достоверности предположений и утверждений церковных авторов по рассматриваемому здесь вопросу представляется довольно сомнительной, однако эти теории о происхождении богомильской ереси демонстрируют, с одной стороны, характерные особенности мировоззрения авторов, с другой — полемические приёмы, посредством которых они решали актуальные для своего времени задачи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ангелов Д. Богомилството в България. София, 1961. 318 с. (на болг. яз.).

Анна Комнина. Алексиада. М., 1996. 704 с.

Ириней Лионский. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди. СПб., 2008. 672 с.

Левитский В. Богомильство — болгарская ересь X–XIV вв. // Христианское чтение. 1870. № 1. С. 26–62.

Оболенски Д. Богомилите: студия върху балканското новоманихейство. София, 1998. 303 с. (на болг. яз.).

Петранович Б. Богомили, цръква босанъска и кръстяни. Задр, 1867. 181 с. (на серб. яз.).

Послание на цариградския патриарх Теофилакт до българския цар Петър // Извори за българската история. Т. IX: Гръцки извори за българската история. Т. V. София, 1964. С. 184–189 (на болг. яз.).

Сербская редакция синодика в неделю православия // Византийский временник. 1960. Т. 17. С. 278–353.

Слово святого Козмы Презвитера на еретики // Попруженко М. Г. Козма Пресвитель: Болгарский писатель X века. Български старини. Кн. XII. София, 1936. С. 1–80 (на болг. яз.).

Стеллецкий Н. С. Болгарская ересь богомилов. СПб., 1902. 46 с.

Текст Синодика царя Борила по Палаузовскому и Дриновскому спискам // Попруженко М. Г. Синодик Царя Борила. Български старини. Кн. VIII. София, 1928. С. 1–96 (на болг. яз.).

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 2015. 416 с.

Runciman S. *The Medieval Manichee: A Study of the Christian Dualist Heresy*. Cambridge, 1982. X. 214 p. (на англ. яз.).

Stoyanov Y. *The Other God: Dualist Religions from Antiquity to the Cathar Heresy*. Yale, 2000. 476 p. (на англ. яз.).

REFERENCES

- Angelov D. *Bogomilstvoto*. (in Bulgarian *v B’lgariia*. [Bogomilism in Bulgaria]. Sofia, 1961. 318 p. (in Bulgarian).
- Anna Komnina. *Aleksiada* [The Alexiad]. St.Petersburg, 1996. 704 s. (in Russian).
- Irinei Lionskii. *Protiv eresei. Dokazatel’stvo apostol’skoi propovedi* [Against Heresies. The Demonstration of the Apostolic Preaching]. Saint-Petersburg, 2008. 672 s. (in Russian).
- Levitskii V. Bogomil’stvo — bolgarskaia eres’ X–XIV vv. [Bogomilism — Bulgarian Heresy of Xth — XIVth cc.] *Khristianskoe chtenie*. [Christian reading]. 1870. № 1. S. 26–62 (in Russian).
- Obolenski D. *Bogomilite: studiia v’rkhu balkanskoto novomanikheistvo* [The Bogomils: A Study in Balkan Neo-Manichaeism]. Sofia, 1998. 303 p. (in Bulgarian).
- Petranovich B. *Bogomili, tsr’kva bosanska i kr’stiani* [Bogomils, Bosnian Church and Christians]. Zadr, 1867. 181 p. (in Serbian).
- Poslanie na tsarigradskii patriarkh Teofilakt do b’lgarskii tsar Pet’r [Patriarch of Constantinople Theophylact’s Message to Bulgarian Tsar Peter]. *Izvori za b’lgarskata istoriia*. T. IX: *Gr’tski izvori za b’lgarskata istoriia*. T. V [Sources on Bulgarian History. Vol. 9. Greek Sources on Bulgarian History. Vol. 5]. Sofia, 1964. P. 184–189 (in Bulgarian).
- Serbskaia redaktsiia sinodika v nedeliu pravoslaviia* [Serbian Edition of the Synodic in Sunday of Orthodoxy] *Vizantiiskii vremennik*. 1960. Vol. 17. P. 278–353 (in Russian).
- Slovo sviatogo Kozmy Prezvitera na eretiki* [Saint Cosmas the Presbyter’s Sermon Against the Heretics]. Popruzhenko M. G. Kozma Presviter: bolgarskii pisatel’ X veka. B’lgarski starini. Kn. XII. [Cosmas the Presbyter: 10th century Bulgarian Writer. Series “Bulgarian Ancients”. Vol. 12]. Sofia, 1936. S. 1–80 (in Bulgarian).
- Stelletskii N. S. *Bolgarskaia eres’ bogomilov* [Bulgarian Heresy of Bogomils]. Saint-Petersburg, 1902. 46 s. (in Russian).

Tekst Sinodika tsaria Borila po Palauzovskomu i Drinovskomu spiskam [Text of the Tsar Boril's Synodik after Palauzovsky and Drinovsky copies]. Popruzhenko M. G. Sinodik Tsaria Borila. B'lgarski starini. Kn. VIII. [Tsar Boril's Synodik. Series "Bulgarian Ancients". Vol. 8] Sofiya, 1928. P. 1–96 (in Bulgarian).

Foucault M. Surveiller et punir. Naissance de la prison. Paris: Editions GALLIMARD, 1975. (Russ. ed.: Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'*: Rozhdenie tjur'my. Moscow, 2015. 416 p.) (in English).

Runciman S. *The Medieval Manichee: A Study of the Christian Dualist Heresy*. Cambridge, 1982. X. 214 p. (in English).

Stoyanov Y. *The Other God: Dualist Religions from Antiquity to the Cathar Heresy*. Yale, 2000. 476 p. (in English).

УДК 801.7:299.4

P. B. Лебедев

Институт Внутренней Азии Бурятского государственного университета, Улан-Удэ (Россия)

БИБЛЕЙСКИЕ АНАЛОГИИ В ХАКАССКОМ СКАЗАНИИ «СЕМЬ ГОР — СЕМЬ ДЕВ ЧИТІ ХЫС»

На основе компаративизма рассматриваются некоторые параллели библейских, тюрко-монгольских мифов и хакасского сказания «Семь гор — семь дев Читі хыс». В результате исследования автор приходит к заключению, что обнаруженные в хакасском сказании библейские аналогии подтверждают сделанные ранее выводы о том, что в результате первых переднеазиатских контактов сибирской скифско-киммерийской цивилизации саянайдов и ближневосточной семитской культуры в VIII–VII вв. до н. э. саяно-алтайский миф повлиял на становление библейского комплекса.

Исследователи отмечают внешний характер проникновения раннего и позднего христианства в религиозно-мифологические представления тюрко-монголов. Наличие в североазиатских преданиях специфических библейских сюжетов и символизма объясняется взаимовлиянием прототюркомонгольского этнического субстрата и древних евреев на территории Плодородного Полумесяца. Одним из доказательств этого являются выявленные автором библейские параллели в хакасском сказании «Семь гор — семь дев Читі хыс»: схожесть внешнего вида дев-алыпов с библейскими великанами и ангелами; наличие в хакасском сказании библейских сюжетов «штурм Небес», «Потоп»; превращение дев-алыпов в камень.

Ключевые слова: тэнгрианство, христианство, Библия, нефилим, алтыны, ангелы; саянайды; древние тюрки; древние хакасы; Саяно-Алтай.